

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 008 (47) (09) |18|+373.5 (47) (09)+811.14+821.14'02+929 Синайский

К ИСТОРИИ КЛАССИЦИЗМА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: САРАТОВСКИЙ ГРЕЦИСТ ИВАН ФЕДОРОВИЧ СИНАЙСКИЙ

В. И. Кащеев

Саратовский государственный университет
E-mail: kasceev@mail.ru

Наиболее значимые результаты в освоении античного культурного наследия на Саратовской земле были достигнуты в архитектуре и образовании. Основное внимание в статье сосредоточено на деятельности И. Ф. Синайского (1799–1870), который преподавал древнегреческий язык как в Православной духовной семинарии, так и в классической гимназии Саратова. Сделанные им переводы греческих авторов, составленные им учебные пособия и словари греческого языка, а также труды по греческой филологии рассмотрены в контексте классицизма как направления в русской и европейской культуре.

Ключевые слова: классицизм, античное наследие, культура, образование, древнегреческий язык, древнегреческая литература, Саратов, И. Ф. Синайский.

Some Traces of the Classical Tradition in the Culture of the Russian Provinces in the First Half of the Nineteenth Century: Ivan F. Sinaisky as a Hellenist in Saratov

V. I. Kashcheev

The article gives the most important examples of classicism in the culture of Saratov province namely in architecture and education. The author focuses his attention on the activities of Ivan F. Sinaisky (1799–1870) as a teacher in Greek both in Gymnasium and in Orthodox Theological Seminary in Saratov. Works translated by I. Sinaisky from Greek, his manuals and dictionaries for those who learned Greek, as well as his articles on Greek and Greek authors are being considered in the context of Russian and European classicism.

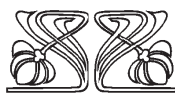
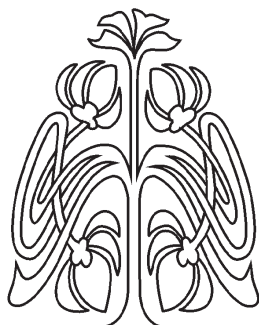
Key words: classicism, classical tradition, culture, education, Greek, Greek literature, Saratov, Ivan F. Sinaisky.

Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители.

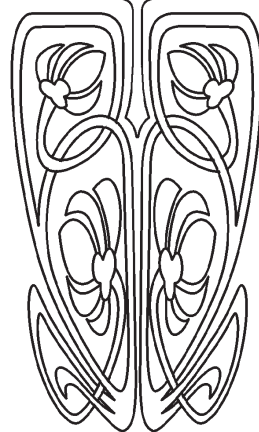
*М. В. Ломоносов*¹

Влияние древнегреческой и римской культуры на литературу Западной Европы и Америки Гилберт Хайет метафорически представил в виде реки. Она струится по ландшафтам разных эпох: среди лесов по дикой местности «темных веков»; затем по более приятному ландшафту Средневековья; далее по жаркому летнему полю Ренессанса с его богатством ярких цветов и изобилием плодов; в период барокко протекает по строго определенному руслу, одетому в мрамор и окруженному статуями; в период Французской революции вырывается из оков, устремляясь в совершенно неожиданных направлениях; далее течет по новым каналам, двигаясь через литературу XIX столетия, и сквозь XX в. прямо устремляется к нашему времени².

Один из наиболее интересных и богатых ландшафтов европейской культуры – эпоха классицизма, когда влияние античного наследия было

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ощутимо не только в литературе, но едва ли не во всех сферах духовной деятельности людей. Хронологические рамки этой эпохи в разных регионах Европы и в различных областях культуры разнятся. Эллинскую классику в немецкой культуре С. С. Аверинцев датировал серединой 1760-х – началом 1830-х гг.³ Существо греческой культуры Винкельман определил формулой *die edle Einfalt und stille Größe* – «благородная простота и спокойное величие», – считая произведения античного искусства образцовыми. Он полагал, что греческий художник следовал «природе» и творил «идеальное» произведение, а современный мастер, если желает достичь высот в искусстве, должен следовать этому «идеалу». Созданный Винкельманом образ античности существенно повлиял на то, как в Германии воспринимали классическое наследие на протяжении многих десятилетий⁴. Таким образом, он стоит у истоков «веймарского классицизма» – мощного и плодотворного направления в немецкой культуре рассматриваемого периода.

Знакомство с античностью и освоение классического наследия в России шло различными путями: вначале через Византию и ее ближайших наследников, затем из Восточной Европы через южные и западные районы России, через Москву с ее Славяно-греко-латинской академией, а позднее через Западную Европу; в этой связи огромную роль сыграла Академия наук, основанная Петром Великим в Петербурге⁵.

Голландский исследователь В. А. Вес рассмотрел русский классицизм от Петра I до Николая I, снабдив свой труд подзаголовком с замечательной метафорой «Между двумя бронзовыми всадниками»⁶ и подразумевая под ними конные статуи на Сенатской и Исаакиевской площадях. Однако весь изучаемый им период в полтора с лишним века (1700–1855 гг.) не был однороден с точки зрения влияния античного наследия на русское общество.

В правление Екатерины II наблюдается решительный и осознанный поворот к классицизму, понимаемому в европейском духе. Деятельность созданной ею комиссии под названием «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык» (1768–1883 гг.)⁷ привела к тому, что за сравнительно короткий срок силами большого числа литераторов были переведены многочисленные труды античных авторов и сочинения о классической древности⁸.

Античные литературные формы были успешно восприняты авторами, писавшими в России на национальном языке. К 70-м гг. XVIII в. благодаря В. К. Тредиаковскому, А. Д. Кантемиру и М. В. Ломоносову русский художественный перевод оформился как особый вид творчества. В. К. Тредиаковским была предложена система стихосложения, близкая античной традиции; поэты и переводчики следующих поколений «получили полноценное наследие, представленное почти всеми жанрами и метрами классической поэзии»⁹.

В период от Екатерины II до Николая I рецепцией античного наследия были затронуты многие сферы духовной жизни: язык и литература с ее многочисленными жанрами; театр, включая драму, оперу и балет; изобразительное искусство, в том числе живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство и архитектура; философская мысль и право. Классицизм затронул журналистику, книгоиздание и библиотечное дело. Это было время становления в России системы классического образования в университетах и гимназиях¹⁰, а также антиковедения как комплексной научной дисциплины¹¹.

Различные аспекты классицизма в жизни обеих столиц изучались и продолжают исследоваться, но обобщающих трудов об этом феномене российской культуры до сих пор нет, хотя, разумеется, они были бы весьма желательными. Рецепция античного наследия, однако, не ограничивалась Петербургом и Москвой – по-своему она проявлялась в таких университетских городах, как Казань, Харьков, Киев¹², во многих губернских центрах, где появились и действовали гимназии и духовные семинарии, а также в некоторых уездных городах и отдельных дворянских усадьбах. Между тем классицизм в российской провинции (в строго научном отношении) – во многом все еще *terra incognita* для нас. Можно ожидать, что продвижение по этому исследовательскому полю позволит нам прояснить как любопытные детали, так и важные общие закономерности классицизма на российской культурной почве.

Саратовская губерния предоставляет исследователю интересный материал об освоении античного культурного наследия по меньшей мере в двух сферах – архитектуре и образовании. Классицизм как архитектурный стиль в полной мере проявился в двух городах губернии – Саратове и Вольске; он отразился в их планировке, центральных ансамблях и массовой городской застройке. Ансамбли двух Соборных площадей (Старой и Новой), импозантные городские усадьбы на улицах Покровской, Новодворянской, Малой Царицынской, богатые особняки, церкви, «образцовые» жилые дома на Московской улице, многочисленные постройки хозяйственного назначения – таково воплощение классицизма в Саратове¹³. Вольск как город полностью сформировался именно в ту эпоху, и этот гибкий и жизнеспособный стиль полно и мощно отразился в многочисленных каменных постройках и деревянной архитектуре маленького провинциального города¹⁴. Подлинными шедеврами классицизма являются дворцово-парковые ансамбли в Зубриловке¹⁵ и Надеждине¹⁶. Таким образом, архитектурный классицизм в Саратовской губернии – богатое и интересное явление, требующее серьезного изучения¹⁷.

Нуждается в специальном исследовании также тема классического образования в светских и духовных учебных заведениях Саратова и уездных

городов губернии. Эта тема интересна, но ее разработка в ближайшее время вряд ли осуществима. Одним из важных ее сюжетов являются жизнь и труды Ивана Федоровича Синайского (1799–1870) – известного знатока древнегреческого языка и греческой литературы. Его деятельность имеет прямое отношение к истории преподавания древних языков в Саратове, а если говорить о греческой образованности, то и к ее истории в масштабах всей страны.

Саратовский историк С. Н. Чернов назвал И. Ф. Синайского «знаменитым классиком», а также «почтенным и ученым классиком», которому «русская наука классической филологии» обязана одним из первых, если не первым, «греческим словарем», подчеркивал его заслуги в изучении древнего мира в России¹⁸. Без малого сто лет тому назад С. Н. Чернов считал изучение личности и творчества И. Ф. Синайского актуальным. Однако и сейчас жизнь и труды саратовского грециста для исследователей культуры актуальности не утратили. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы рассмотреть деятельность И. Ф. Синайского как феномен классицизма в сфере образования и культуры.

Иван Федорович Синайский (Пулькин) родился в 1799 г. и был старшим сыном в семье дьячка¹⁹. Его отец Федор Федорович Пулькин впоследствии стал священником церкви Рождества Богородицы в городе Сольвычегодск Вологодской губернии²⁰. С 1809 по 1816 г. Иван Пулькин учился в Сольвычегодском уездном духовном училище. В 1822 г. он окончил IV курс Вологодской духовной семинарии по первому разряду, дававшему наибольшие привилегии, к тому же в списке выпускников он был вторым. Именно в годы учения в семинарии Ивану Пулькину была дана фамилия Синайский²¹.

Из Вологодской епархии в 1822 г. Иван Федорович поступил в Московскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата в 1826 г. Программа академии в соответствии с реформой 1808–1814 гг. была разделена на два двухгодичных курса и рассчитана, таким образом, на четыре года обучения.

Получивший в 1821 г. Московскую кафедру митрополит (тогда еще архиепископ) Филарет (Дроздов) постоянно и настойчиво интересовался жизнью академии. Он считал необходимым разрешить преподавание богословских дисциплин на русском языке, а для поддержания «классической чистоты» полагал целесообразным, помимо чтения греческих и латинских авторов в курсе «словесности», продолжать преподавание философских предметов на латинском языке²². В академии курс догматики читал архимандрит Кирилл Богословский-Платонов (1819–1824 гг.), который на лекциях использовал не учебник, а новейшие труды европейских авторов по богословию, в том числе и на латинском языке. Его преемник, ректор архимандрит Поликарп Гайтан-

ников (1824–1835 гг.), преподавал аналогичным способом²³.

Значительную роль в жизни академии играли преподаватели философии. Первым профессором кафедры философии Московской духовной академии был В. И. Кутневич (1815–1824 гг.) – знаток современной немецкой философской мысли, который умел вызвать у студентов живой интерес к своему предмету; лекции он читал на латинском языке²⁴. Его преемник, выпускник академии 1818 г. Ф. А. Голубинский в 1822 г. стал экстраординарным, а в 1824 г. – ординарным профессором философии и оставался в этой должности в течение тридцати лет вплоть до своей смерти. В академии он пользовался большим уважением как исследователь, педагог и человек²⁵.

В те годы П. С. Делицин, возглавлявший список выпускников академии по первому разряду в 1818 г., а в 1924 г. назначенный ординарным профессором, преподавал, помимо своей основной дисциплины – математики, – также немецкий (1818–1820 гг.) и французский (1820–1822 гг.) языки. Позднее был опубликован сделанный им перевод с греческого языка беседы св. Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к римлянам (1839 г.). Эта публикация, очевидно, была известна И. Ф. Синайскому, который примерно тогда же осуществил перевод одного из толкований Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к Титу. Кроме прочих своих ученых занятий П. С. Делицин известен как переводчик греческих и латинских авторов²⁶.

Можно не сомневаться, что все эти профессора оказали благотворное влияние на студента Ивана Синайского, способствуя появлению у него непреходящего интереса к гуманитарным предметам.

В академии изучались языки греческий, латинский, древнееврейский, французский и немецкий²⁷. Преподавание древних языков здесь было основательным и считалось важным в подготовке студентов к богословским занятиям и педагогической деятельности в духовных учебных заведениях. «Введение математики и большое внимание к древним языкам согласовывалось с представлениями эпохи классицизма о природе образования»²⁸. Значение греческого языка в преподавании возросло в связи с указом Священного синода 1821 г. «Об усилении в народе учения православного через епархиальное духовенство и через посредства учащихся в духовных училищах». Митрополит Филарет рекомендовал произносить в храмах «беседы святых отцов», и для этой цели следовало отбирать и переводить с греческого языка соответствующие святоотеческие труды²⁹. Уровень преподавания латинского языка был также довольно высоким. В результате выпускники Московской духовной академии умели не только говорить, но и писать по-латыни. Однако изучение латыни имело и самостоятельную ценность, независимо от практического ее применения³⁰.

Вне всякого сомнения, И. Ф. Синайский получил основательную подготовку в области древнегреческой филологии и это во многом предопределило характер его профессиональных занятий и увлечений на протяжении всей последующей жизни.

Поступая в академию, юноши негласно брали на себя обязательство по ее окончании либо становиться священниками, либо преподавать в духовных учебных заведениях. Нередко предпочтение отдавалось именно преподаванию, поскольку жизнь представителя «духовного сословия» для многих молодых людей выглядела не особо привлекательной³¹. В этой связи выбор И. Ф. Синайского по окончании им академии не кажется неожиданным: завершив свое духовное образование и получив степень кандидата³², 2 сентября 1826 г. он приступил к работе в качестве учителя церковной истории и греческого языка в Пензенской духовной семинарии³³. Одновременно с апреля 1828 по июль 1829 г. он занимал должность секретаря в Пензенском семинарском правлении. Педагогическая деятельность И. Ф. Синайского в этом городе завершилась в сентябре 1830 года³⁴.

Важным деянием Моисея (Богданова-Платонова), епископа Саратовского и Царицынского (1828–1832)³⁵, было создание духовной семинарии в Саратове. Для преподавания церковной истории и греческого языка и был приглашен из Пензы И. Ф. Синайский. 13 сентября 1830 г. Саратовская консистория издала указ об открытии семинарии³⁶. Первое заседание семинарского правления состоялось 26 сентября, а 17 октября И. Ф. Синайский был утвержден секретарем правления. Эту должность он занимал более семнадцати лет – до 27 октября 1847 года³⁷.

26 октября 1830 г. состоялось торжественное открытие Саратовской духовной семинарии. Иван Федорович как секретарь семинарского правления прочитал всеподданнейший доклад «Комиссии духовных училищ» об открытии семинарии, огласил ее штат и назвал поименно начальствующих и учащихся.

В торжественном акте открытия Саратовской семинарии пересеклись две исторические линии – история духовного учебного заведения и история личности, и обе были неразрывно связаны на протяжении почти двадцати лет, в 30–40-е гг. XIX в.

Полный шестилетний курс семинарии состоял из трех двухгодичных курсов: риторики, философии, богословия. Изучение латинского, греческого и древнееврейского языков было обязательным, немецкого и французского – факультативным³⁸.

В 1840 г. были опубликованы утвержденные Николаем I «Новые правила» преподавания в семинариях. Из основных дисциплин наиболее важными для сельского священника считались пастырское богословие и гомилетика. Общеобразовательные предметы были сокращены, философия заменена логикой и психологией. В программу были включены новые («полезные

для общежития») предметы – основы медицины, крестьянского хозяйства и естествознание, – что делало образование более прагматичным, «реальным». Во всех духовных школах курс обучения, как и прежде, был рассчитан на шесть лет³⁹.

Программа семинарий оставалась весьма обширной, значительное место в ней уделялось общеобразовательным (светским) дисциплинам. На втором году курса риторики в обязательном порядке преподавались латынь и греческий язык, факультативно – древнееврейский, французский и немецкий⁴⁰.

По различным предметам философского и богословского курсов предусматривалось написание сочинений («рассуждений» – *dissertationes*) на латинском языке. Так, в 1845 г. семинарист Николай Чернышевский подготовил такую работу⁴¹. На итоговых экзаменах в 1832 г. учащиеся низшего класса писали *хрису* («рассуждение») на тему *Deus amandus est*, аналогичную работу выполняли воспитанники философского курса, а семинаристы высшего курса готовили устный ответ на латинском языке на богословскую тему⁴².

Занимавший саратовскую кафедру в 1832–1847 гг. епископ Иаков (Вечерков)⁴³ поощрял изучение греческого и латинского языков. Как говорили, семинаристы пользовались «слабостью» владыки к классическим языкам и нередко подавали ему прошения на латинском языке⁴⁴.

Имелось, однако, препятствие для успешного изучения древних языков. Саратовская семинария была переполнена учащимися, поэтому все три курса делились на параллельные классы. Но и в этом случае численность семинаристов каждого класса была чрезмерной, что мешало эффективному изучению языков, поскольку преподаватели не могли индивидуально заниматься с каждым воспитанником. Так, класс, в котором учился Николай Чернышевский, состоял из сотни человек⁴⁵. Занятия в семинарии делились на «дообеденные» и «послеобеденные»; в расписании занятий древние языки нередко ставились во второй половине дня. Так обстояло дело с латинским языком в классе Н. Чернышевского⁴⁶.

Кроме И. Ф. Синайского, преподаванием древних языков в Саратовской семинарии в это время занимались К. М. Сокольский, Г. С. Саблуков, а затем Г. С. Воскресенский. Первый из них преподавал риторику и словесность, а также французский язык. По свидетельствам современников, он любил свой предмет, хорошо знал его, умел успешно вести занятия, хотя особой ученостью, может быть, и не отличался. В отставку он вышел в 1848 г., прослужив полные двадцать пять лет по духовно-учебному ведомству⁴⁷. А. Ф. Раев вспоминал, что К. М. Сокольский читал семинаристам риторику И. Ф. Бурга (*Бургия*, как пишет А. Ф. Раев) на латинском языке⁴⁸. По его мнению, в числе слушателей К. М. Сокольского было не более десятка, кто понимал латынь⁴⁹. В 1830 г. Г. С. Саблуков был назначен преподавателем все-

общей гражданской истории и древнееврейского языка. В семинарии он проработал до 1849 г.⁵⁰, а позднее преподавал восточные и классические языки в Казанской духовной академии. В науке он известен как видный востоковед и переводчик *Корана* на русский язык⁵¹. В 1832 г. Г. С. Воскресенский начал преподавать словесность⁵². По свидетельству А. И. Розанова, «это был человек жестокий до зверства, но как преподаватель – лучший из семинарии», перед его занятиями по латыни все «трепетали»⁵³.

Однако наиболее значимой фигурой среди преподавателей древних языков в семинарии был, без сомнения, И. Ф. Синайский. Он читал курсы по общей гражданской истории и философии, но любимым его предметом был древнегреческий язык. Если верить воспоминаниям бывших его учеников, он «всегда готов был много и долго говорить по объяснению какой-либо филологической тонкости, касающейся греческого языка»⁵⁴. Иногда семинаристы просили Ивана Федоровича прочитать по-гречески текст какого-либо классика, и как говорили, он им в этом не отказывал. «При чтении И [ван] Ф [едорович] <...> воодушевлялся от содержания читаемого автора и, можно сказать, переживал блаженные минуты в своей жизни»⁵⁵. Такое отношение преподавателя к своему предмету не могло не действовать благотворно на учащихся.

Жалование светских учителей в духовных учебных заведениях было мизерным и даже после реформы 1808–1814 гг. увеличилось незначительно. В редких случаях у них была перспектива в конце своей педагогической деятельности получить место инспектора духовного училища или дослужиться до должности инспектора семинарии⁵⁶. Именно стесненными материальными обстоятельствами И. Ф. Синайского можно объяснить тот факт, что долгие годы, наряду с преподаванием в семинарии, он трудился секретарем семинарского правления – это отнимало много сил и времени. Следует заметить, что к 1836 г. у него было уже четверо детей – два сына и две дочери. Содержание столь большой семьи⁵⁷ требовало дополнительных расходов.

В 1836 г. Иван Федорович занял должность старшего учителя греческого языка в Саратовской мужской гимназии⁵⁸, где и проработал до 1852 г.⁵⁹ Это учебное заведение было открыто в августе 1820 г., точнее было бы сказать, преобразовано из Главного народного училища, существовавшего в городе прежде⁶⁰. Документы фонда гимназии за 1820–1845 гг., к сожалению, не сохранились, поэтому нелегко восстановить подробности жизни и деятельности ее учителей. С 1825 по 1831, а также с 1834 по 1837 г., директором саратовских училищ был Я. А. Миллер, который и осуществлял руководство гимназией. В 1837–1843 гг. директором был В. Ф. фон Гине. С его именем был связан громкий судебный процесс, в который оказались вовлечены некоторые учителя гимназии, в том числе и И. Ф. Синайский⁶¹.

В соответствии с новым уставом для гимназий, подготовленным Комитетом устройства учебных заведений и утвержденным 8 декабря 1828 г., главными предметами считались древние языки (древнегреческий и латынь), а также математика⁶². Было увеличено число уроков по Закону Божию и отечественной словесности. Кроме того, преподавались география и статистика, история, физика, французский и немецкий языки, чистописание и рисование. Окончательно этот устав вступил в силу в только в 1837 г., когда – уже при новом министре просвещения графе С. С. Уварове – была введена система испытаний и аттестатов.

В годы преподавания И. Ф. Синайского Саратовская гимназия имела статус *классической с двумя древними языками*. Греческий здесь изучался четыре года (с IV по VII класс включительно) с еженедельной нагрузкой 7,5 часа, то есть по пять полуторачасовых уроков.

И. А. Воронов, учившийся у И. Ф. Синайского в самом начале 1850-х гг., вспоминал учителя с чувством глубокого уважения: «Это был старик, посвятивший свою жизнь литературе эллинов, написал и издал составленную им грамматику греческого языка...»⁶³ По словам бывшего гимназиста, Иван Федорович сочинял на этом языке стихи и «безукоризненно знал наизусть» многие песни из поэм Гомера, которые безошибочно декламировал. Преподавание греческого языка у него, полагал И. А. Воронов, было «немного сложным и кратким»: оно касалось грамматических правил и «легких переводов» со словарем с греческого на русский язык⁶⁴.

Деятельность И. Ф. Синайского в гимназии была большим благом для города – уровень преподавания древнегреческого языка в главном светском учебном заведении Саратова был высоким на протяжении многих лет.

В 1833 г. под руководством И. Ф. Синайского воспитанники семинарии подготовили русский перевод с древнегреческого языка произведения св. Афанасия Великого «О воплощении Бога слова и телесном Его к нам пришествии». Владыка Иаков сделал распоряжение создать комитет из профессоров для рассмотрения этого перевода, а затем отослать труд в правление Санкт-Петербургской духовной академии с просьбой его напечатать: «Слово сие <...> может быть особенно полезно для здешней епархии»⁶⁵. В результате перевод был опубликован⁶⁶.

И. Ф. Синайский известен также как переводчик еще одного святоотеческого сочинения – толкования св. Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к Титу⁶⁷. В 1842 г. этот перевод был опубликован Августом Ивановичем (Августом-Рене) Семеном (Auguste-René Semen, 1781–1862 гг.).

Крупный московский издатель, француз по происхождению, А. Семен с 1818 г. арендовал типографию московского отделения Императорской Медико-хирургической академии, имел

книжную лавку на Кузнецком мосту, а позже приобрел собственную типографию⁶⁸. Он издавал произведения видных русских поэтов В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, А. С. Грибоедова (в частности, «Горе от ума», *editio princeps* – 1833 г.), почти все печатавшиеся в Москве произведения А. С. Пушкина, в том числе и его «Евгения Онегина» (1826 г.)⁶⁹. Из-под печатного станка А. Семена выходили переводные произведения, книги и учебники на иностранных языках, а также словари, поэтому вполне закономерно, что для публикации своих трудов И. Ф. Синайский обратился именно к нему.

В том же 1842 г. в типографии А. Семена Иван Федорович издал свою «Метрику греческого языка»⁷⁰. Автор дает такое определение этой дисциплины антиковедения: «Метрика, происходит от *metron* (мера) в пространном смысле сего слова, учит как мерному произношению каждого слога, так и мерному сочетанию определенных слогов в целые предложения, а определенных предложений в целую рифмическую речь, или стих. Посему метрика Греческого языка предлагает [сведения] о мере слогов и о размерах стоп и стихов»⁷¹. Изложив принципы греческого стихосложения, автор проиллюстрировал их многочисленными примерами из поэтических творений великого Гомера, лирических поэтов Архилоха, Тиртея, Сапфо, Анакреонта, Феогнида, Пиндара, Каллимаха, Феокрита, трагиков Эсхила, Софокла, Еврипида, а также комедиографа Аристофана.

Публикация этого пособия стала событием в научной жизни двух саратовских учебных заведений и заметным явлением в культурной жизни города. В библиотеку Кабинета классической филологии, некогда созданную профессорами С. В. Меликовой и В. Я. Каплинским на историко-филологическом факультете Саратовского университета, попал экземпляр «Метрики» со следующим автографом: «Его Высокопреподобию г. Инспектору Саратовской Д. Семинарию о. Иеромонаху Тихону. Иван Синайский. 12 июня 1842».

Можно предположить, что «Метрика греческого языка» сделала И. Ф. Синайского известным и в академических кругах обеих столиц, она облегчала русскоязычным читателям изучение древнегреческой поэзии. Это издание получило доброжелательный отзыв в «Отечественных записках», издававшихся А. А. Краевским⁷².

Герой бессмертной комедии А. С. Грибоедова в присутствии молодых людей – Софьи и Молчалина – сетует:

А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Откуда моды к нам, и авторы, и музы:

Губители карманов и сердец!

Далее Фамусов восклицает:

Когда избавит нас творец

От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!

И книжных и бисквитных лавок!

(курсив наш. – В. К.).

Произведения, продаваемые в книжных лавках на Кузнецком, действительно пользовались спросом и быстро раскупались. Опытный издатель и книгопродавец А. Семен прекрасно понимал, что будет иметь успех у читающей публики и что, следовательно, надо печатать.

Почти одновременно с книгой И. Ф. Синайского в типографии при Медико-хирургической академии появилось изящное издание под названием «Обзор мнений древних»⁷³. Хотя имя составителя текста не указано, нам известно, что это был Яков Иванович де Санглен (1776–1868 гг.), опубликовавший у А. Семена несколько работ исторического и историко-литературного содержания. В «Обзоре» представлены взгляды античных авторов на три сюжета: 1) о смерти, загробной жизни и о том, как избежать страха смерти; 2) о судьбе; 3) о жертвоприношениях у греков. Все эти сюжеты изложены автором интересно, со множеством цитат из греческих и латинских авторов. Можно не сомневаться, что в книжной лавке А. Семена на Кузнецком мосту это сочинение имело успех у покупателей.

Однако если книга Я. И. де Санглена воспринималась прежде всего как *интересное, занимательное* чтение, то работа И. Ф. Синайского о греческой метрике была *полезной*. Книгоиздатель это понимал. А для нас очевидно, сколь важную роль в культивировании классицизма играли все трое – и французский издатель в Москве, и просвещенный высокопоставленный экс-чиновник Министерства полиции Российской империи, и скромный учитель греческого языка из провинциальной саратовской «глуши».

Кроме духовных произведений, его как грециста интересовали также произведения греческих историков Фукидида и Ксенофонта. В 1840 г. в «Ученых записках Казанского университета» была опубликована статья о речах Фукидида⁷⁴. Давая характеристику греческому автору, И. Ф. Синайский писал: «Фукидид в изложении исторических обстоятельств точен, в критике строг, в трудах неутомим, в слове силен и спокоен, в искусственности изложения и сочетании всех обстоятельств не подражаем; внутреннее расположение его творения величественно и преисполнено мыслей; его история – трагедия, только не вымышленная, а истинная; словом – он своими образцовыми качествами доселе изумляет всех ученых, всех сколько-нибудь понимающих его; и все охотно приписывают ему все лучшее, все, что могут измыслить совершенного...»⁷⁵. В этих словах видно трепетное почитание и искреннее уважение к греческому историку, автор статьи рассматривает его как образец – характерное для классицизма отношение к писателю древности⁷⁶.

Как следует из архивных материалов, к марту 1844 г. Иван Федорович подготовил первоначальный вариант своего «Российско-греческого

словаря»⁷⁷. Обращаясь в Саратовское семинарское правление с прошением об объявлении по Казанскому духовно-учебному округу об издании его лексикона, И. Ф. Синайский аргументировал свою просьбу двумя соображениями:

1) словарь может быть полезен учащимся семинарий и духовных училищ для переводов с «отечественного» языка на греческий, поскольку, к примеру, в уездных духовных училищах, в соответствии с уставом училищ, необходимо, чтобы учащиеся упражнялись в переводах как с изучаемого языка на русский, так и наоборот;

2) он удобен для написания сочинений на греческом языке, так как в «классе словесных наук» (курс риторики) требуется, в частности, выработка у учащихся навыков написания письменных работ на этом языке⁷⁸.

Свою задачу Иван Федорович видел в создании такого лексикона, который стал бы «одним из важнейших условий успешного изучения греческой литературы в нашем отечестве и нашей литературы в воссозданной Элладе»⁷⁹.

Духовно-учебное управление, однако, «не находя причин к открытию особой подписки на означенный Словарь», постановило объявить И. Ф. Синайскому, что «высшее Духовно-Училищное Начальство может оказать ему пособие покупкою нескольких экземпляров в таком случае, когда его сочинение, по напечатании, окажется полезным для Духовно-Учебных заведений»⁸⁰. Об этом решении Иван Федорович узнал только 22 декабря 1844 года⁸¹.

По получении одобрения к печати в Цензурном комитете при Императорском Московском университете спустя два года словарь увидел свет в типографии А. Семена⁸². Это был один из первых изданных в нашей стране русско-греческих словарей.

При его составлении И. Ф. Синайский использовал «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) – первый толковый словарь русского языка (так называемый академический словарь). Полезными для учебных целей были содержащиеся в лексиконе И. Ф. Синайского таблицы окончаний спряжения основных греческих глаголов и список наиболее употребительных неправильных глаголов древнегреческого языка. Отсутствие аналогичных изданий на русском языке и недостаточное число пособий, которые мог бы использовать составитель, затрудняли осуществление его замысла.

В «Отечественных записках» А. А. Краевского появилась сочувственная анонимная рецензия на словарь⁸³. Отметив добросовестность и точность И. Ф. Синайского, ее автор справедливо указал в качестве главного недостатка то, что составитель не различает «три совершенно разнородные по цели изучения языка» его составные части – классический, библейский и отцов Церкви (церковный) и новогреческой – и «ставит изучение церковного языка выше классического»⁸⁴. В

1869 г. увидело свет исправленное издание этого словаря⁸⁵.

По собственному прошению И. Ф. Синайский 23 декабря 1848 г. был уволен со службы в семинарии⁸⁶. После его ухода с занимаемой должности в Саратовской гимназии (1852 г.) начался последний период его деятельности. Он жил в Москве, много и интенсивно работал над новыми своими трудами. Одним из самых плодотворных в его жизни стал 1857 год.

Типография Московского университета напечатала составленную им грамматику греческого языка⁸⁷. «Журнал для воспитания», издаваемый А. А. Чумиковым, откликнулся короткой, несколько предвзято написанной рецензией⁸⁸. Анонимный автор, однако, признал, что в отличие от других переведенных с иностранных языков грамматик пособие И. Ф. Синайского содержит полезный краткий обзор греческих диалектов, и в итоге сделал заключение, что оно вполне может быть использовано изучающими этот язык⁹⁰.

Увлеченность И. Ф. Синайского вопросами славяно-русской филологии нашла отражение в трех статьях, посвященных происхождению славянского алфавита, различным аспектам морфологии глагола (за исключением категории вида) и филологическим комментариям к «Академическому, изданному в 1847 году словарю церковнославянского и русского языка на А–Е»⁹¹.

В типографии С. Селивановского увидел свет сделанный им перевод диалога Ксенофонта об учении Сократа (*Меморабилли*)⁹². Эта публикация вызвала, по существу, противоположные отклики в газете «Санкт-Петербургские ведомости»⁹³ и журнале «Современник»⁹⁴. Автор газетной рецензии приветствовал выход нового перевода: «Нельзя не поблагодарить переводчика за предпринятый им и очень хорошо выполненный труд. Русской публике предстоит теперь удовольствие ближе ознакомиться с учением Сократа, в самой его сущности, и подивиться светлости его взглядов, часто весьма близких нашему воззрению, и необычайно сильной логике доводов»⁹⁵.

Весьма показателен совсем иной тон рецензии Н. А. Добролюбова – одного из видных представителей революционно-демократической журналистики. Резко отрицательно он оценил тот факт, что переводчик остановил свой выбор именно на этом труде и на этом авторе. «Но неужели во всей греческой литературе не нашел г. Синайский ничего назидательнее этого Ксенофонта?» – восклицает рецензент⁹⁶. Однако такой выбор объясняется, очевидно, тем, что в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта изложены основные положения этического учения Сократа, которые могли быть восприняты читателями русского перевода как поддержка традиционной («догматической») морали. Для революционных демократов такая мораль была неприемлема, против нее они вели ожесточенную борьбу. Автора рецензии явно раздражал слегка архаический

стиль перевода, выполненного И. Ф. Синайским⁹⁷.

В 1861 г. в типографии почтового департамента увидели свет размышления Ивана Федоровича о значении древнегреческого языка для мировой и отечественной культуры⁹⁸. А в следующем году он опубликовал свой греческо-русский словарь⁹⁹. В 1866 г. этот лексикон, наряду с известной грамматикой Р. Кюннера¹⁰⁰ и хрестоматией Х. Якобса¹⁰¹, был рекомендован Министерством народного просвещения в качестве учебного пособия для гимназий и прогимназий России, подведомственных министерству¹⁰². В 1879 г., уже после смерти составителя, в издательстве книжного магазина братьев Салаевых было напечатано третье издание словаря¹⁰³, что свидетельствует о его востребованности.

И. Ф. Синайский умер 1 марта 1870 г. в Москве и был отпет в Успенской церкви на Малой Дмитровке¹⁰⁴. Он прожил внешне неяркую, полную трудов и забот жизнь. Однако это незаурядная личность, грецист, который для классического образования в Саратове и в России сделал так много, что им может гордиться всякий, кому дороги традиции российской культуры.

Деятельность и труды И. Ф. Синайского как заметное явление русского классицизма давно вошли в историю культуры и теперь уже принадлежат вечности, как и архитектурные памятники классицизма в городах Саратове и Вольске, в старинных «дворянских гнездах» Зубриловке и Надеждине. В настоящий момент и дворец, и часовня, и парк усадьбы князей Голицыных находятся в ужасающем состоянии и молчаливо взывают о помощи, как и некоторые другие памятники. Однако что бы с ними не произошло в будущем, они уже нашли свое отражение в поэтических созданиях Державина и Крылова, в живописных полотнах Борисова-Мусатова. Они навсегда стали частью нашего культурного наследия. Наш долг состоит в том, чтобы сохранить и передать их следующим поколениям, равно как и память о жизни и трудах И. Ф. Синайского.

Примечания

- 1 Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч.: в 11 т М.; Л., 1952. Т. 7. С. 587.
- 2 См.: Hight G. The Classical Tradition : Greek and Roman Influences on Western Literature. L.; Oxford; N. Y., 1967. P. 541.
- 3 В этой датировке существенны четыре события: с одной стороны, публикация «Истории искусства древности» Винкельмана (1764 г.) и «Лаокоона» Лессинга (1766 г.), а с другой – смерть Гегеля (1831 г.) и Гёте (1832 г.). См.: Аверинцев С. С. Образ античности в западноевропейской культуре XX в. : Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 7.
- 4 См.: Кащеев В. И. Винкельман и коллекция гемм барона Филиппа фон Штоша // Художественные коллекции

музеев и традиции собирательства. Саратов, 1999. С. 14–15.

- 5 См.: Гаврилов А. К. Античное наследие в России (IX–XV вв.) // О филологах и филологии. СПб., 2011. С. 12–15; *Его же*. Государственный классицизм при Екатерине II // Там же. С. 50.
- 6 *Wess M. A. Classics in Russia 1700–1855 : Between Two Bronze Horsemen*. Leiden ; N. Y. ; Köln, 1992. Автор, однако, не учел, что в России один из этих всадников, благодаря знаменитой поэме А. С. Пушкина, называется *медным*.
- 7 Любопытен тот факт, что учреждение этой комиссии по времени почти совпадает с началом немецкого классицизма.
- 8 Подробнее см.: Гаврилов А. К. Государственный классицизм при Екатерине II. С. 52–60.
- 9 Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский – переводчик : Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 163–164.
- 10 См.: Любжин А. И. Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 6. С. 19–24 ; 1999. № 1. С. 17–27 ; *Его же*. Латинский язык в Харьковском коллегиуме // Древний мир и мы. СПб., 2003. Вып. 3. С. 147–153 ; Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999 (ср. рецензию А. И. Любжина на эту книгу : Древний мир и мы. СПб., 2012. Вып. 4. С. 417–426) ; Кнабе Г. С. Русская античность : Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 121–125.
- 11 См.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности : Историографические очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 88–204 ; Гаврилов А. К. Античное наследие... С. 18–20 ; ср.: *Его же*. Из новейшей историографии русского антиковедения // О филологах и филологии. С. 84–100.
- 12 В Казани и Киеве к тому же существовали духовные академии.
- 13 См.: Терёхин С. О. Века и камни : Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов, 1990. С. 10–17, 21–39 ; Городские этюды. Саратов : Литье,ковка. Саратов, 2009. С. 34–35 ; Саратов братьев Леонтьевых / сост. Е. К. Савельева. Саратов, 2011. С. 21–33, 36–37, 87 и др.
- 14 См.: Терёхин С. О. Указ. соч. С. 17–20, 40–48.
- 15 См.: Ежова И. К. Зубриловка. Надеждино : Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII – начала XIX в. Саратов, 1979. С. 20–65 ; Горднова Л. Разрушился сей дом, засохли бор и сад : Державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. 2008. № 86. С. 8–21.
- 16 См.: Ежова И. К. Указ. соч. С. 68–111 ; Майорова А. С. Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Российская история. 2010. № 4. С. 124–125.
- 17 Нельзя согласиться с мнением А. С. Майоровой о том, что в рассматриваемый период дворяне «не смогли реализовать свои художественные вкусы в области архитектуры». См.: Майорова А. С. Указ. соч. С. 126–127.

- ¹⁸ См.: *Чернов С. Н.* Н. Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии. Вольск, 1925. С. 3, прим. 2, 21.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
- ²⁰ Это следует из ревизской сказки от 8 февраля 1816 г. Священником был и дед Ивана Федоровича – Федор Алексеевич (см.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3929).
- ²¹ В списке воспитанников Вологодской духовной семинарии за 1822 г. указан Иван Пулькин-Синайский (см.: Материалы для истории Вологодской семинарии // Вологодские епархиальные ведомости. Вологда, 1870. № 19. С. 674). Именно это упоминание позволяет нам проследить родословную Ивана Федоровича вплоть до его прадеда Алексея Пулькина (родился в 1732 г. и жил в Вологодской губернии). За информацию об упоминании И. Пулькина-Синайского в списке воспитанников ВДС за 1822 г. благодарю Андрея Валерьевича Пулькина (г. Тверь).
- ²² См.: *Филарет [Дроздов]*. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковным вопросам : в 5 т. СПб., 1885. Т. 2. С. 160 ; ср.: *Иванов Вл.* Становление богословской мысли в Московской духовной академии (1814–1870) // *Московская духовная академия : 300 лет (1685–1985)*. М., 1986. С. 126.
- ²³ См.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви : в 8 кн. Кн. 8. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. С. 433.
- ²⁴ Там же. С. 436.
- ²⁵ Там же. С. 436–438 ; см. также: *Кащеев В. И.* Иван Федорович Синайский и преподавание древних языков в Саратовской духовной семинарии (30–40-е годы XIX века) // *V Межрегиональные Пименовские чтения. Саратов, 2008*. С. 232–233.
- ²⁶ См.: *Иванов Вл.* Указ. соч. С. 128–129.
- ²⁷ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 422.
- ²⁸ *Салтыков Ал.* Краткий очерк истории Московской духовной академии // *Московская духовная академия...* С. 87–88.
- ²⁹ Там же. С. 88.
- ³⁰ См.: *Асмус В.* Место Московской духовной академии в истории русской культуры // *Московская духовная академия...* С. 317.
- ³¹ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 425.
- ³² В списке выпускников академии – кандидатов за этот год он значится четвертым по счету.
- ³³ См.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 233–234.
- ³⁴ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
- ³⁵ До занятия Саратовской кафедры Моисей был епископом в Вологодской и Устюжской епархиях – именно там, откуда И. Ф. Синайский и поступил в Московскую духовную академию. См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 680, 750.
- ³⁶ См.: *Саратовская православная духовная семинария. 1830–2005 : Краткий очерк истории.* Саратов, 2005.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14 об.
- ³⁸ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 422.
- ³⁹ Там же. С. 430 ; см. также: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 234.
- ⁴⁰ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 431; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : в 2 т. Саратов, 1958. Т. 1. С. 53.
- ⁴¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 299. № 90 (ср.: Там же. № 22).
- ⁴² См.: *Покровский В. М.* Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // *Труды СУАК.* Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 31–32 ; подробнее см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 235–236.
- ⁴³ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁴ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁵ См.: *Розанов А. И.* Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. 1. С. 21.
- ⁴⁶ Там же. С. 20.
- ⁴⁷ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁴⁸ См.: *Burgus J. F.* Elementa oratoria, ex antiquis atque recentioribus factis praeseptorum delectu tironibus eloquentiae. Breslau, 1736. Пособие неоднократно переиздавалось.
- ⁴⁹ См.: *Раев А. Ф.* Записки о Н. Г. Чернышевском // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. 1. С. 75.
- ⁵⁰ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 42–44.
- ⁵¹ См.: *Валеев Р. М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в. : Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993.
- ⁵² См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 48.
- ⁵³ *Розанов А. И.* Указ. соч. С. 20 ; подробнее см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 236–238.
- ⁵⁴ *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 39.
- ⁵⁵ Там же. С. 40.
- ⁵⁶ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 432.
- ⁵⁷ В 1843 г. в семье И. Ф. Синайского появился еще один ребенок.
- ⁵⁸ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 714 («О разрешении учителю семинарии И. Синайскому работать по совместительству в гимназии»). Одновременно с этим он получил «освобождение от обязанности поступать в духовное звание» (Там же. Д. 711).
- ⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14–15; Д. 1245. Л. 16–17.
- ⁶⁰ О трудностях открытия гимназии в Саратове см.: *Майорова А. С.* Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века // *Городская повседневность в России и на Западе.* Саратов, 2006. С. 113–120.
- ⁶¹ См.: *Черняев П. Н.* Материалы для истории Саратовской I-й гимназии : Биографические очерки директоров, 1820–1851. Саратов, 1909. С. 46–57.
- ⁶² См.: *Строгецкий В. М.* Классическое образование в России и его значение для формирования духовных качеств личности // *Альманах Славяно-греко-латинского кабинета ПФО.* Н. Новгород, 2009. Вып. 2. С. 5.
- ⁶³ *Воронов И. А.* Саратовская гимназия – устава графа Уварова – прошлого столетия. 1851–1859 годы : (Воспоминания питомца) // *Русская старина.* СПб., 1909. Т. 139, № 7, 8, 9. С. 349.
- ⁶⁴ Там же ; см. также: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 242.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 360; ср.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 41.

- ⁶⁶ См.: Св. Афанасия, архиеп. Александрийского, слово о воплощении Бога слова и о телесном Его к нам пришествии / пер. с греч. в Саратовск. семинарии. М. : Синодальн. тип., 1837. В 1834 г. в семинарии аналогичным образом был выполнен перевод латинского сочинения «Беседы о станах сынов Израилевых» (см.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 486).
- ⁶⁷ См.: Святого отца нашего Иоанна, архиеп. Константинопольского, Златоустого, толкование на послание святого апостола Павла к Титу / с греч. на рус. пер. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1842.
- ⁶⁸ См.: *Markova A.* Auguste-René Semen, imprimeur, éditeur et marchand-libraire parisien à Moscou // *La France et les Français en Russie : Nouvelles sources et approches (1815–1917) / Études réunies par A. Charon, B. Delmas et A. Le Goff.* P., 2012. P. 267, 272.
- ⁶⁹ Ibid. P. 273.
- ⁷⁰ *Синайский И.* Метрика греческого языка / сост. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена, 1842.
- ⁷¹ Там же. С. 7. Особенности стиля автора оставлены без изменения.
- ⁷² См.: Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 22. Отд. VI. С. 15–16.
- ⁷³ Обзор мнений древних. М. : Тип. Августа Семена, 1842.
- ⁷⁴ См.: *Синайский И.* Краткий взгляд на речи Фукидида // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1840. [Кн.] IV. С. 113–130.
- ⁷⁵ Там же. С. 114.
- ⁷⁶ См.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 238–239.
- ⁷⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1815. Л. 6. Однако в конце предисловия к первому изданию словаря стоит дата: «1842 года. Марта 30 дня» (*Синайский И.* Российско-греческий словарь / сост. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена, 1846. С. 1).
- ⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1815. Л. 8–8 об.
- ⁷⁹ *Синайский И.* Российско-греческий словарь. С. 1.
- ⁸⁰ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1815. Л. 9–9 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 10.
- ⁸² См.: *Синайский И.* Российско-греческий словарь. М., 1846.
- ⁸³ См.: Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 50. Отд. VI. С. 111–114.
- ⁸⁴ Там же. С. 112.
- ⁸⁵ См.: *Синайский И. Ф.* Русско-греческий словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1869.
- ⁸⁶ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2301.
- ⁸⁷ См.: [*Синайский И. Ф.*] Греческая грамматика, по современному руководству составленная Иваном Синайским. М., 1857.
- ⁸⁸ См.: Журнал для воспитания. СПб., 1857. Т. 2. Отд. IV. С. 283–284.
- ⁸⁹ Там же. С. 283.
- ⁹⁰ Там же. С. 284.
- ⁹¹ *Синайский И. Ф.* Три статьи по предмету славяно-русского языка. М. : Тип. С. Селивановского, 1857. См. в целом отрицательную рец.: Журнал для воспитания. СПб., 1857. Т. 2. Отд. IV. С. 284–286.
- ⁹² См.: [*Ксенофонт*]. Сократово учение по Ксенофону, в виде разговоров в четырех книгах / пер. с греч. Иваном Синайским. М., 1857.
- ⁹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1857. № 54. 9 марта. [С. 263].
- ⁹⁴ [*Добролюбов Н. А.*] [Рец.:] Сократово учение по Ксенофону, в виде разговоров в четырех книгах / пер. с греческого Иваном Синайским. М., 1857 // Современник. 1857. № 11. Отд. IV. С. 28–31.
- ⁹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1857. № 54. [С. 263].
- ⁹⁶ См.: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1962. Т. 2. С. 114.
- ⁹⁷ См.: *Тамарченко Г. Е.* Примечания // Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 2. С. 519–520.
- ⁹⁸ См.: *Синайский И. Ф.* Заметки о греческом языке Ивана Синайского. СПб. : Тип. Почтового деп., 1861.
- ⁹⁹ См.: *Его же.* Греческо-русский словарь / И. Синайского. М., 1862. Ч. 1–2.
- ¹⁰⁰ См.: [*Кюнер Р.*] Элементарная грамматика греческого языка, составленная Р. Кюнером : в 2 ч. / пер. [и предисл.] К. Коссовича. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. Акад. наук, 1859.
- ¹⁰¹ См.: Греческая учебная книга для низших и высших классов : (С ссылками на Греч. грамматику Д. Попова) / [Соч.] Фр. Якобса. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1838–1839. Ч. 1–2 ; 2-е изд. СПб., 1865. Ч. 1–2.
- ¹⁰² См.: Каталог учебных руководств и пособий, которые могут быть употребляемы в гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. № 4. Ч. 130. С. 43 ; см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 242–243.
- ¹⁰³ См.: *Синайский И. Ф.* Греческо-русский словарь / Ивана Синайского. 3-е, совершенно исправленное и значительно доп. изд. М. : Изд. книж. магазина братьев Салаевых; Тип. Т. Рис, 1879. Ч. 1–2.
- ¹⁰⁴ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 12451. Л. 17 об.